

Элла Григорьевна Задорожнюк
elzador46@mail.ru

Чешская доля: иллюзии и реальности (полемика Милана Кундеры и Вацлава Гавела)

ABSTRACT: Grigorevna Zadorožnjuk Ella, *Češskáj dolja: iljuzii i real'nosti (polemika Milana Kundery i Vaclava Havela)* (The Czech Lot: Illusions and Realities [Milan Kundera and Václav Havel Polemics]). „Poznańskie Studia Slawistyczne” 6. Poznań 2014. Publishing House Science and Innovate, pp. 261–276. ISBN 978-83-63795-51-1. ISSN 2084-3011.

The article is devoted to the analysis of the M. Kundera and V. Havel polemics over the fate and fortunes of the Czech ethnical identity, Czechoslovakian nationhood and ways of Czechoslovakian society development after the August, 1968. This polemic, together with the Prague Spring reflection, caused broad resonance, and some of its statements are still timely. The acceptability of the paradox of Havel being a spokesman of „the Czech lot” while at the same time being its critic in the polemic was proven.

Keywords: the Czech lot; the Czech question; the Prague Spring; small nation; ethnical identity; dissidents; socialism with human face; regime of normalization

Сорок пять лет тому назад, в декабре 1968 г., в еще не задавленном цензурой периодическом издании „Листы” („Listy”, 1968) появилось эссе европейски известного писателя Милана Кундеры *Чешская доля* с размышлениями о крушении обнадеживающей Пражской весны и наступлении „заморозков из Кремля”. Сорок лет спустя оно была повторно опубликовано в газете „Литературные новости” („Literární noviny”, 2007) – и небеспричинно: ряд положений полемики Кундеры с тогда еще только набиравшим известность драматургом Вацлавом Гавелом оказались востребованными и в новые – уже постреволюционные – времена. Более того, эта полемика послужила импульсом для дискуссий, которые развернулись уже между интерпретаторами их идей, а к настоящему времени вектор развития этих идей приобретает

новые измерения на фоне вызванных глобальным кризисом элементов евроскептицизма – в различных национальных оформлениях.

Знакомство Кундеры и Гавела относится к середине 1950-х годов, начавшись с одобрения художественной и литературно-критической активности молодого драматурга старшим и уже признанным писателем: в 1956 г. Кундера содействовал его принятию в члены творческого союза литераторов. Оба они приветствовали Пражскую весну и принимали активное участие в мобилизации литературных сил на ее поддержку, оба резко выступили против оккупации Чехословакии войсками стран-союзников по Варшавскому договору. Все же видение „чешского удела (судьбы, доли, предназначения)” в ее связи с судьбой социализма у них оказалось разным. Джон Кин к числу антисоциалистов Гавела не относил. Вот как он описывает знакомство молодого 32-летнего драматурга-абсурдиста с первым секретарем ЦК КПЧ Александром Дубчеком в Грзанском дворце на его встрече в начале июля 1968 г. с чехословацкими писателями.

Уверю Вас, господин Секретарь, – произнес длинноволосый драматург в джинсах, – практически каждый, кто живет в этой стране, поддерживает социализм. Вы действительно так считаете? – удивился подобного рода сентенциям А. Дубчек... Конечно же! – продолжал драматург. – Вот, например, я. Мой отец был миллионером, и кто-то может подумать, что я многое мог бы получить, если бы был реставрирован капитализм. Но поверьте мне, господин Секретарь, у меня никогда не было таких мыслей. Меня не интересует накопление собственности. Я – человек театра, а уж театру, во всяком случае, лучше при социализме (Keane 1999: 198).

Осталось ли это во многом платоническое и детерминированное любовью к театру отношение к социализму после августа 1968 г., во времена Хартии и даже после вхождения Гавела во власть неизменным? Конечно, нет, но подобного рода признания он делал уже не с таким пафосом. Так, в ходе встречи в Москве 26 февраля 1990 г. с президентом Михаилом Горбачевым Гавел – уже в статусе президента Чехословакии – заявил:

Если в советской печати появится утверждение, что я ликвидирую социализм, это будет неправдой. Дело в том, что само слово „социализм” скомпрометировано у нас в Чехословакии как символ беспорядка и безответственности навязанного извне режима. Поэтому оно утратило свое первоначальное значение (Горбачев 1995: 360).

Возвращаясь к полемике Кундера-Гавел, следует отметить, что она получила широкий резонанс, а ряд ее положений вплоть до сегодняшнего дня не потерял своей остроты (Задорожнюк 2008; Задорожнюк 2012: 13–29). Фактически в полемике о смысле „чешской доли” речь шла о сохранении чешской нацией (не чехословацким народом) своей идентичности и одновременно об ее жертвенности во имя общечеловеческих идеалов, как это уже было в истории. Кундера считал, что чешская нация очередной раз может дать урок этой жертвенности, через нее выражая свое призвание к осуществлению высоких общечеловеческих идеалов. Для Гавела эта жертвенность не являлась обязательной; по его убеждению, достаточно принять уже устоявшиеся формы социальной и политической жизни на Западе, чтобы сохранить свою идентичность.

Эссе Кундеры *Чешская доля* открывалось размышлениями о крушении обнадеживающей Пражской весны и наступлении тревожной осени. Оно начинается рассказом о том, как в первые дни оккупации, 24 августа 1968 г., он просматривал книгу *О государстве чешском*, написанную в 1633 г. Павлом Странским (1583–1657) – чешским писателем и историком, принадлежавшим к общине Моравских братьев, многие члены которой (включая Яна Амоса Коменского) находили убежище в Польше. Он обосновывал неустранимость независимости Чехии во времена усиления власти Габсбургов, ставя вопрос: является ли Чехия союзницей немецкой (Священной Римской) империи – либо же она ее вассал?

Естественно, что ответ на него проецировался Кундерой и на современную ему ситуацию оккупации страны войсками стран-соседей. А он сводится к тому, что и в сложнейшее время первой трети XVII в. Чехия не являлась ни служанкой, ни подопечной данной империи, несмотря даже на признание с 1627 г. власти Габсбургов наследственной. Похожие ситуации, имплицитно напоминаят он, повторялись в чешской истории, приобретавшей трагические черты в XX веке, – достаточно вспомнить 1938, 1948 и 1968 гг. – но и в эти времена чешская нация, несмотря на тяжелейшие испытания своего „удела”, такой независимости не теряла.

Не будет прислужничества и сегодня, уверяет себя и своих читателей Кундера, несмотря на то, что за окнами его жилища слышится

стрельба. Запомнилась она ему надолго и переживалась постоянно. В январе 1985 г. эта стрельба снова им вспомнилась, и трактовал он ее как „насильственный конец западной культуры и как величественное прощание маленькой западной страны с Западом” (Kundera 1985: 1). А если так, то не следует принимать и „даров Востока”, включая имеющее общечеловеческое значение творчество Федора Достоевского.

Отвечая на эту реплику Кундеры, еще один пострадавший от тогдашнего социализма писатель И. Бродский утверждал: „Звучит возвышенно и трагично, но это чистой воды театр”. И добавил: „Кундера, что вполне естественно, стремится быть европейцем больше, чем сами европейцы” (Бродский 2001: 95–96). Трактую данное ответвление дискуссии с учетом позиций первых ее двух участников можно заметить, что эта оценка в большей степени приложима не к Кундере, а к Гавелу. Косвенно признавал это и сам Кундера, опубликовав статью, где причастность к театру уже президента Гавела подчеркивалась с достаточной определенностью (Kundera 1990: 16).

Метафора извечной „чешской доли” („český úděl”) Кундеры перекликалась с метафорой основателя чехословацкого государства Томаша Гаррига Масарика о „чешском вопросе” („česká otázka”) – давшей название его труду 1885 года, в котором он призывал славянские народы, проживавшие в центре Европы, проводить самостоятельную политику, без оглядки на мощную (но абсолютистскую Россию) и демократический (но агрессивный в лице Германии) Запад (Задорожнюк 1997: 43–59).

Кроме того, согласно Масарику, чешский вопрос имеет смысл лишь тогда, когда станет вопросом мировым. Сам Кундера их сопоставления в данной статье не проводит, но оно предполагается как нечто, само собой разумеющееся. Особенно если учитывать, что Чехословакия за немногим более чем двадцать лет своего самостоятельного существования вошла в десятку, а то и пятерку наиболее развитых стран мира.

Однако период с 1939 года не мог наполнять чешскую душу гордостью из-за отсутствия у нее решимости к самостоятельной политике. Чешская доля в это неполное 30-летие связывалась с двумя „социализмами” – национал-социализмом, таким, если воспользоваться словом Странского, „львом”, или, если вспомнить о символической птице германского рейха – „орлом”, которые принципиально не признавали прав

„низшей” славянской расы, и сталинским социализмом, так и не разжавшим свои тиски ни после 1956 г., ни в первой половине 1960-х гг.

Ответом явилось сохранение некой „малой ментальности” в основном в сфере культуры и быта, с которой чехи прошли 1938 и 1948 гг., но также время после XX съезда КПСС, открывавшее в 1956 г. новые возможности. Они, в отличие от венгров и поляков, не шли на баррикады, по-другому отстаивая свою идентичность, что и продемонстрировала Пражская весна. И Кундера приходил к убеждению, что нет в мире такого народа, который в подобных испытаниях выстоял бы и проявил твердость, мудрость, сплоченность. Возможно, этот народ утратил связь с традицией булавы Жижки, то есть способности прямого протеста, но ему присуща традиция образованности и склонность к размышлениям, которые сохранились и сегодня, так что он знает настоящую цену многим вещам – и протестует косвенно, сохраняя присущую ему ментальность.

Значимость крупной нации, по словам Кундеры, обеспечивается ее численностью, хотя это может и опьянять ее населения. Культурное творчество малых наций для их сохранения должно быть трезвым и интенсивным, и часто они дают уроки великим империям.

Борьба за идентичность чешской нации достигла к 1968 г. одной из своих кульминаций и, по убеждению Кундеры, оказалась связанной с обновлением социализма. Об этом говорилось в июне 1967 г. в речах на IV съезде чехословацких писателей, на котором выступали и Кундера, и Гавел (последний, как отмечалось выше, повторил данное убеждение и в разговоре с первым секретарем ЦК КПЧ) (Kaiser 2009: 68). После этого была отменена цензура, и появился Круг независимых писателей, председателем которого в апреле 1968 г. избрали Гавела – он с лихвой оправдал ожидания Кундеры, рекомендовавшего его в члены союза писателей в 1956 г. (Prečan 1990: 469).

В целом в Чехословакии в этот период, отмечает Кундера, осуществлялась

попытка создать наконец-то (и впервые в его мировой истории) социализм без всеисилия тайной полиции, со свободой печатного и устного слова, с общественным мнением, которое выслушивается, и с политикой, которая на нем базируется, со свободно развивающейся современной культурой и с людьми, у которых исчез страх, – это была попытка, благодаря которой чехи и словаки впервые с конца Средневековья оказались снова в центре всемирной истории и адресовали свой призыв

человечеству (Здесь и далее документы в переводе автора статьи даны в: Новопашин (ред.) 2012: 369).

Чешская доля, сводилась к тому, что малая нация, как ее носитель, предпринимала попытки продемонстрировать демократические возможности социалистического проекта, развить свою политическую самобытность. И этот исходящий из Чехословакии импульс до сих пор сохраняет свою силу, а его значимость для мира завтрашнего трудно переоценить.

И надо делать ставку на трезвость взгляда и обнадеживающий критицизм, включает писатель; доля быть чехом приносит разного рода невзгоды, но они преодолимы в ходе еще одного пробуждения малой нации.

Крупнейший чешский патриот (т.е. Масарик – Э.З.) – пишет Кундера – начал свой путь с того, что разбил патриотические иллюзии и мифы, а свою книгу назвал весьма показательно: «Чешский вопрос». В основе чешского патриотизма лежит не фанатизм, а критицизм, именно это и импонирует мне в моем народе, за это я его люблю” (Новопашин (ред.) 2012: 371).

Характеризуя чешский критицизм как противоядие от возможных бед, Кундера считает, что из него не должно возникнуть отбрасывание любой надежды; истинный критицизм, не увлекающийся крайностями ни пессимизма, ни оптимизма, ориентирован на силы и ценности будущего. Как раз такой критицизм сохраняет национальную идентичность, именно за ним большое будущее малой нации – завершает он свое эссе.

Критицизм Кундера можно трактовать как отложенный исторический оптимизм относительно судеб чешской доли, однако его по-своему отверг Гавел, доказывая необходимость активных действий крупного формата в противостоянии оккупации страны под лозунгами, расхившимися с социализмом, даже „с человеческим лицом”. Кундера же превозносит в чешском патриотизме отсутствие им упоминаемого критицизма и делает ставку на рассудительную мудрость, что предполагает признание социализма.

Гавел убежден, что в деле сохранения этнической идентичности чехов, особенно после очередного вторжения чужеземных войск, нужна прямая конфронтация, обещание, что от определенных ценностей чехи никогда не отступят. Гавел требует сегодняшних действий, а не

обращенных в прошлое ощущений и оценок; линия активного поведения, идущая от его выступлений в августе по радио в г. Либерец против вторжения войск стран Варшавского договора, должна быть продолжена и в новых условиях. Особенно после того, как с передовых позиций уходили коммунисты-реформаторы, а идея „социализма с человеческим лицом“, еще в июле 1968 г. признававшаяся Гавелом (в разговоре с Дубчеком) настоятельной потребностью современного мира, теряла свою привлекательность. Нельзя трактовать поражение как моральную победу и ностальгировать по прошлой славе, постоянно повторять, как хороши чехи были до августа, нужно всматриваться кем они стали сегодня, чтобы не только быть готовыми к действию, но и действовать. Заявлена позиция активизма – правда, что конкретно можно и нужно делать практически не говорится.

Кундера же, как предполагает Гавел, свою позицию истинного критицизма лишь симулирует. Вопреки его убеждению, после августа 1968 г. „не устояло“ главное – свобода слова и свобода собраний, общественный контроль над политикой, начавшийся в период Пражской весны, истинно демократический способ правления. Поэтому в усложнившихся после августа 1968 г. условиях надо бороться за легальный политический плюрализм, последовательную экономическую перестройку, суверенную внешнюю политику.

Конечно, Гавел не только ставил такого рода вопросы, но и предпринимал действия. Он давал интервью и писал пьесы, редактировал обновленный журнал „Облик“ („Tvář“), не считаясь с предостережениями властей, продолжал руководить Кругом независимых писателей. Однако уже в ноябре 1968 г. органы службы безопасности вмонтировали в его доме подслушивающее устройство (Kaiser 2009: 82), прекратились постановки его пьес, его лишили загранпаспорта и даже привлекали к допросам. Гарантии успешности подобного рода действий исчезали, а совокупная решимость проявить свою позицию, пойти на конкретную и опасную акцию ослабевала не только у Гавела. Но она не должна была исчезнуть полностью, даже порождая для протестантов новые риски.

Гавел убежден, что „наша доля зависит от нас. Мир не состоит из глупых великих держав, которые могут все, и умных малых наций, которые не могут ничего – даже если очень удобно представлять себе

именно это” (Новопашин (ред.) 2012: 377). Случившееся же произошло не потому, что чехи всегда должны страдать от своих соседей (это-де их „доля”), но по совершенно иным, более конкретным причинам. А если сводить все к фатуму „чешской доли”, то нельзя понять истинных причин нынешней ситуации в Чехословакии и осознать возможности ее решения.

Этническая идентичность – это повседневная ответственность, так можно было бы резюмировать позицию Гавела. И – свобода от иллюзий, причем, в первую очередь, в отношении недавнего прошлого. Он не приемлет кундеровской конструкции, согласно которой чехи в 1968 г. якобы вошли впервые с конца Средневековья в центр мировой истории, ибо вели борьбу за социализм без всемогущей тайной полиции, со свободой печатного и устного слова, а их эксперимент как бы нацеливался на отдаленное будущее всего человечества.

Ответное эссе Гавела получило широкий резонанс – даже в отсутствие в нем каких-либо указаний на конкретные формы протеста. До такого полемического пафоса в своих дальнейших работах Гавел, по оценке чешского исследователя Даниэла Кайсера, не доходил, а в чем-то выстраивал дальнейшую линию своего поведения по лекалам, задаваемым как раз Кундерой (Kaiser 2009: 81). Не случайно, согласно Кину, „два писателя впоследствии смягчили тон взаимных обвинений” (Keane 1999: 224). Однако в 1969 г. полемика Кундеры и Гавела явилась предметом дальнейших дискуссий, стали появляться переводы ее материалов на разные языки.

Вскоре в печати появилось ответное эссе М. Кундеры *Радикализм и эксгибиционизм*. Кундера снова и снова повторяет мысль, что чехам суждено было жить между двумя „львами”; первые представляют принцип подавления, вторые же не выражают против него особого протеста. Так было не только в 1968 г. Но при этом чехи „создали из отношений к двум противоположным культурам собственную самобытность, свою «чехословацкую идеологию», которая, декларируя равноправие наций (за девять столетий до французской революции), являлась по своей значимости эпохальной”. Социализм же неустраним из чешской доли и в конце 1960-х, и Кундера в этом плане повторил свои утверждения на съезде писателей в 1967 г., что не нация ради социализма, а социализм ради нации; но это социализм не из Манифеста

Маркса или какой-либо международной конференции, а из истории собственного народа. Правда, в дальнейших его интервью и заявлениях данное ключевое слово появляется все реже, но и похвал «нормальностям» капитализма тоже не наблюдается.

Чешская нация всегда являлась пунктом скрещения европейских традиций, поэтому деевропеизировать ее, как это пыталось сделать ее руководство под патронатом восточного соседа в течение последних двадцати лет, означает выдернуть ее из своей истории. Однако ведь социализм приходил не только с Востока, но и с Запада. Национальная самобытность чехов трактуется с учетом и этого фактора. В дальнейшем Кундера вводит концепт чехословацкого потенциала, ориентированного в 1968 г. на отмену системы недемократических практик.

Мы, – подчеркнуто повторяет он, – сделали это сами для себя, но все же дело касалось не только нас, поскольку оно заключало в себе – хотели мы того или нет – значимость прецедента и призыва. Независимо от того, удалось нам это или не удалось, был этот шаг уверенным или неуверенным, – *мы шагнули в центр всемирной истории* (курсив в оригинале – Э.З.) (Новопашин (ред.) 2012: 381).

Именно это и вызывало у Гавела сарказм и обвинения в „смешном провинциальном мессианизме“; следовало бы, по его мысли, просто-напросто нормализоваться. Парадокс заключается в том, что по этой же матрице „романтическое фантазирование“ и Кундеры, и Гавела критиковал Густав Гусак, взявший вскоре на вооружение термин „нормализация“.

Конечно, Гусак и Гавел исходят из различных отправных пунктов, однако их взгляды, тем не менее, сходны. И Гусак, несомненно, согласился бы с тем, что в ходе январского процесса речь шла (или должна была идти) исключительно о нормализованности (в отличие от Гавела, Кундера выделяет здесь и далее данный термин курсивом – Э.З.), т.е. об устранении так называемых деформаций и ошибок из якобы в целом совершенно нормального социализма. Только где рядом с нами существует нормальный социализм, где и когда существовал социализм демократический и свободный? (Новопашин (ред.) 2012: 382)

– ставит вопрос Кундера.

И здесь он выдвигает перспективу новых проявлений чешской доли уже в достаточно отдаленной перспективе. Кундера – в отличие от Гавела – не видит в Западе некоего „потерянного рая“, который следует

обрести Чехии; более того, он видит в этом „раю” и некоторые проявления „ада” – „нечто весьма ненормальное (лишающее человеческого облика): власть коммерческих интересов и коммерческой выгоды” (Новопашин (ред.) 2012: 382). Кроме этого он как бы предвосхищает евроскептицизм Вацлава Клауса, предупреждавшего еще до мирового финансово-экономического кризиса начала XXI в., что дружба с новым „львом” (если использовать стародавнее слово Странского) – Евросоюзом – проблем Чехии не решит.

Разумеется, пишет Кундера, у Гавела нет иллюзий относительно социализма, но зато он строит иллюзии относительно того, что именуется им „большинством цивилизованного мира” – то есть относительно Запада. Кундера активно противостоит посылу Гавела относительно Запада как воплощения некой „империи нормальности”, к которой достаточно лишь присоединиться.

Слово *нормальный*, – размышляет Кундера, – как раз не относится к наиболее точным понятиям, но оно является любимым словом Гавела, – конечно же, можно договориться, что нормальной является, скажем, свобода печати. Но это только абстрактный принцип, который в своем конкретном воплощении может означать „в большинстве цивилизованного мира” и нечто весьма ненормальное (лишающее человеческого облика, оглуляющее): власть коммерческих интересов и коммерческой выгоды (Новопашин (ред.) 2012: 382).

Апология такой „нормальности” идентифицируется Кундерой с показным радикализмом и даже эксгибиционизмом. Остается добавить, что за это любым образом окрашенное поклонение „нормам” Гавел в дальнейшем заплатил немалую цену, подвергаясь политически крайне жестким – можно даже сказать, ненормальным – преследованиям.

Места чешской доле и даже чешскому вопросу в гавеловском импортированном с Запада универсализме не находится, поэтому он и трактует размышления о великих державах и малых нациях только как способ маскировки ответственности конкретных исторических лиц. Гавел, по интерпретации Кундеры, склонен к констатации безосновательности любых надежд, особенно связанных с социализмом, что не пробуждает в нем смирения или пораженчества, но, напротив, вызывает усиленное стремление к действию, причем рискованному. При этом подобного рода действие имеет целью демаскировать мир

в его неисправимой аморальности, а его инициатора представить как носителя чистой моральности. В полемическом запале Кундера выносит следующий вердикт: позиция изначально истинно моральная и сводящаяся к отрицанию несправедливого мира превращается по сути в моральный эксгибиционизм, а желание публично продемонстрировать красоты собственной нравственности превалирует над стремлением изменять реальное положение вещей к лучшему. Столь жестких слов Гавел не услышит в будущем даже от своих идейных противников.

Такая гиперморальность присуща, как показывает история чехословацкого антинормализационного (оппозиционного и диссидентского) движения после конца 1960-х гг., не одному Гавелу. Многие чехи и раньше, и теперь шли на жертвы в борьбе с беспросветной диктатурой, но свои лишения и преследования в дальнейшем сделали аргументом в оправдании других преследований. Казус с моралистическим оправданием бомбардировок столицы одного из европейских государств войсками НАТО – лишь один из примеров такого рода. Надо добавить, лишения пришлось испытать и Кундере, вскоре он был вынужден эмигрировать на тот Запад, о котором столь критически отзывался в своем втором эссе. „Рая” он там не нашел – достаточно вспомнить его художественные произведения, и в первую очередь роман *Непереносимая легкость бытия...*

Полемика Кундеры и Гавела вызвала и вызывает широкие отклики. Интересна реакция на нее чешского философа Карела Косика. Он не только непосредственно отзывался на эту полемику (Kosík 1969: 16–17), но и не терял ее из поля зрения в своих дальнейших работах. Так в статье под примечательным названием *Третий Мюнхен?* он утверждал о наличии трех провалов в истории чехословацкой государственности. Первый связывался им с мюнхенским сговором, второй – с вынужденной капитуляцией правительственной делегации в Москве в августе 1968 г. А вот после распада биполярной системы возникла угроза нового, третьего, Мюнхена. Она, по его мнению, исходит от мирового финансово-промышленного альянса (в настоящее время идентифицируемого с глобализмом), который одним приносит комфорт, но одновременно опустошает землю и человека. Косик, в отличие от Гавела, считал, что чрезмерная устремленность к Западу может привести в Чехии к опустошению человека (Kosík 1992: 130–141). И в данном случае он солидаризировался, скорее, с тезисом Кундеры.

Полемика продолжалась и в дальнейшем, примером чему служит, в частности, статья американского слависта Тима Веста *Доля как алиби: Милан Кундера, Вацлав Гавел и „чешский вопрос“ после 1968 года*. По его мнению, два эссе Кундеры 1968–1969 гг. не представляют собой оправдание слабости, но в то же время они проникнуты духом скептицизма, „ставшего фундаментом любой дискуссии, ориентированной на пересмотр многих экзистенциальных вопросов, возникавших перед чехами в 1968 году” (West 2009: 428).

Остается добавить, что одной из разновидностей такого скептицизма явился евроскептицизм, установки которого присущи не только экс-президенту Чехии.

Надо заметить, что Клаус проявляет постоянный интерес к творчеству Кундеры. Свидетельством этому служит его статья, которую он написал по просьбе издателей газеты „Лидове новины”, еще находясь на посту президента Чешской Республики. Статья свидетельствует, что Клаус знаком со всеми основными художественными трудами Кундеры и дает им взвешенные оценки. Вспоминает он и о полемике с Гавелом, о которой в связи с романом Кундеры *Шутка* (1967) пишет так:

Ужас „шутки” состоит прежде всего в том, что она является отражением моральной проблемы, с которой ряд его современников сводят счеты до сих пор... Вскрывается духовный климат той части послевоенной интеллигенции, которая скомпрометировала себя сотрудничеством с коммунистическим режимом и по разным причинам доверяла ему – она ведь работала на него и по сей день не нашла отпущения грехов. К этому же времени относится и полемика Кундеры с Вацлавом Гавелом о чешской доле, которая их в достаточной степени отделила друг от друга. В том числе, полагаю, и в человеческом плане (Klaus 2010).

Остается добавить: приведенное в начале статьи объяснение в любви к социализму, высказанное драматургом-абсурдистом в присутствии Дубчека, равно как и полупризнание о его допустимости в разговоре с Горбачевым, не так далеко выводит из рядов этой интеллигенции и Гавела. Внимательное же прочтение статьи Клауса позволяет предположить, что взгляды Кундеры можно считать одним из источников его евроскептицизма, по крайней мере, в аспекте духовном. Евроатлантической же эйфории своего предшественника на посту президента он не разделял.

Согласно одному из чешских писателей Людвигу Вацулику, ряд вопросов, возникших в ходе полемики, все же удалось решить. Опыт замораживания Пражской весны, по его убеждению, продемонстрировал, чем является на самом деле Советский Союз, равно как и то, что коммунизм в принципе не поддается реформированию (West 2009: 428).

В 2008 г., т.е. через 40 лет после выхода в свет второго эссе Кундера, Ярослав Шабата сделал следующее уточнение: тезис писателя о „свободе, которую мир еще не видел”, вовсе не идентичен лозунгу о „социализме, которого мир еще не видел”. Согласно этой интерпретации, Кундера не только делал акцент на невозможности реформирования коммунистической системы в форме демократического социализма, но и отмечал несовместимость истинной свободы и демократии с капитализмом. Иными словами, акцентировалось внимание на невозможности их реализации в среде, связанной с собственническими интересами, рынком и коммерциализацией (Pehe 2012b).

Комментируя тоже спустя сорок лет полемику двух великих чехов, главный редактор газеты „Literární noviny” Якуб Паточка (однофамилец известного чешского философа) писал: если в 1968 г. Гавел не верил в «фатум, называемый чешской долей», беспощадно его высмеивая, то в конце первого десятилетия нового века тем же фатумом – но в одобрительном смысле – он обосновывал свое отношение к планам размещения на чешской территории „крайне проблематичного военного объекта”, то есть американского радара (Patočka 2009).

В другой своей статье чешский аналитик Иржи Пеге анализирует материалы полемики Кундера – Гавел 46-летней давности с позиции (социального) психоанализа, прибегая к понятию травмы и справедливо замечая, что травмы не закончились после 1989 г.: одной из них стал распад Чехословакии в 1993 г. (размышления в данном направлении были присущи Кундере всегда, но особенно – после съезда в 1967 г. чехословацких писателей). Для первого – это „мифический” характер чешской истории, для второго – „проза” подавления плюралистических взглядов. Но оба по-своему сопротивлялись указанной травматизации. Интерпретации Пеге, относящиеся к 2002 г., в свою очередь, тоже вызвали широкую дискуссию в интернете, доминантой которой может служить тезис одного из ее участников: „счастливые народы не имеют истории”.

Продолжая освещение полемики Кундеры и Гавела о чешской доле в 2013 году, Ян Буреш считает, что в кризисные периоды проблема анализа связей прошлого и настоящего приобретает особую актуальность. „Жизненной средой полемики, по его словам, являлась «чехословацкая осень»: после августа следовало найти ответ на вопрос, как жить в условиях трагически утраченной возможности демократизации чехословацкого социализма” (Bureš 2012). Буреш правомерно подчеркивает, что оба участника полемики выступали против „девропеизации Чехии”; в чем-то похожие дискуссии в 1886 г. велись в связи с выходом в свет труда Масарика *Чешский вопрос* (1885 г.) и они продолжались до конца 1930-х годов; рассуждения Буреша начала второго десятилетия XXI века являются ее частью.

Сколько бы ни протестовал Гавел против уместности метафоры чешской доли, в довольно существенных отношениях он выступал ее выразителем. Ведь эта метафора соотносится с метафорами и „власти безвластных”, и „неполитической политики”. Создается даже впечатление, что он предлагал их, глубоко вчитываясь в первое эссе своего оппонента Кундеры. Чешская доля не просто в этом плане манифестировала себя как „власть безвластных”, она задавала образцы такой парадоксальной „власти” для оппозиционных движений и во многих странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а в дальнейшем – и в странах мира. То же касается дальнейшего развития идеи ненасильственного сопротивления в форме „неполитической политики”. Может, поэтому после повторной публикации его дискуссии с Кундерой в 2007 г. обозначился новый ее виток, а поскольку у Гавела и в дальнейшем появятся последователи в разных регионах мира, то возможно и продолжение все той же дискуссии.

Таков резонанс от рассуждений Кундеры о чешской доле 46-летней давности, яростного ответа на них Гавела и повторной реплики писателя.

Литература

- Бродский И., 2001, *Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому*, в: И. Бродский, *Сочинения Иосифа Бродского*, т. VII, Санкт-Петербург, с. 95–96.
Горбачев М.С., 1995, *Жизнь и реформы*, кн. 2, Москва.

- Новопашин Ю.С. (ред.), 2012, *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Начало 1970-х-первая половина 1980-х годов*, т. 1, Санкт-Петербург.
- Задорожнюк Э.Г., 1997, *Россия и Европа Т.Г. Масарика: новые подходы к старой идее европейского единения*, в: *Т.Г. Масарик и Россия*, Э.Г. Задорожнюк et al., Санкт-Петербург.
- Задорожнюк Э.Г., 2008, *От крушения Пражской весны к триумфу „бархатной” революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Август 1968 г. – ноябрь 1989 г.*, Москва.
- Задорожнюк Э.Г., 2012, *Вацлав Гавел: портрет в интерьере исторической эпохи*, „Славяноведение” 5, с. 13–29.
- Bureš J., 2012, *Český úděl*, <<http://blog.vlastenci.cz/vlastenectvi/cesky-udel/>>, 12.01.2013.
- Kaiser D., 2009, *Disident. Václav Havel 1936–1989*, Praha–Litomyšl.
- Keane J., 1999, *Václav Havel. A Political Tragedy in Six Act*, London.
- Klaus V., 2010, *Obtížně zvládnutelná tíha osamění Milana Kundery*, <<http://www.klaus.cz/clanky/298>>, 6.05.2013.
- Kosík K., 1969, *Váha slov*, „Plamen” č. 4, s. 16–17.
- Kosík K., 1992, *Třetí Mnichov?*, in: *Masarykova idea československé státnosti ve světle kritiky dějin*, red. J. Opat, Praha, s. 130–141.
- Kundera M., 1968, *Český údel*, „Listy” č. 7–8, s. 1–5.
- Kundera M., 1985, *Introduction to a Variation*, „The New York Times Review of Books”, 6.01.
- Kundera M., 1990, *A Life Like a Work of Art*, „The New Republic” vol. 202, s.16–17.
- Kundera M., 2007, *Český údel*, „Literární noviny”, 27.12.
- Patočka J., 2009, *Návrat k důležité rozpravě*, „Literární noviny”, 3.04.
- Pehe J., 2012a, *Historické kořeny a politické důsledky nesamozřejmosti českého národa: Diagnóza – trauma*, <<http://blog.aktualne.centrum.cz/blogy/jiri-pehe.php?itemid=18714>>, 3.10.2013.
- Pehe J., 2012b, *Kundera versus Havel: Spor o budoucnost demokracie*, <<http://www.pehe.cz/Members/redaktor/kundera-versus-havel-spor-o-budoucnost-demokracie>>, 25.11.2013.
- Prečan V., 1990, *Chronologický přehled hlavních údajů o životě, literárním díle, kulturní a společenské aktivitě Václava Havla (1936-srpen 1989)*, in: V. Havel, *Do různých stran*, Praha, s. 489–517.
- West T., 2009, *Destiny as Alibi: Milan Kundera, Václav Havel and the „Czech Question” after 1968*, „The Slavonic and East European Review” vol. 87, s. 421–428.

